

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ И УНИВЕРСАЛЬНОЙ ПРАВООЩИТНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Наталья Александровна Шеремет

МГИМО МИД России, Москва, Россия
natalish@list.ru <https://orcid.org/0000-0003-2513-6759>



Аннотация. В статье предлагается анализ соотношения универсальной и региональной правозащитных концепций, действующих в Латинской Америке. Региональный подход к защите прав человека, основанный на культурном релятивизме, является основой для развития правозащитной концепции. Однако эволюция прав человека рассматривается в современной науке как через призму культурного релятивизма, так и универсализма. И если сторонники первого подхода утверждают важность культурных и цивилизационных особенностей, то сторонники универсализма отстаивают идею универсальной морали. Новизна данного исследования заключается в

анализе иного научного подхода, который включает в себя некоторые черты обеих вышеуказанных концепций (представляя своего рода «третий путь») — с целью получения более объективной картины современного состояния системы защиты прав человека. Взаимодействие этих концепций исследуется на примере функционирования в Латинской Америке системы защиты прав женщин, а также других уязвимых групп, например таких, как коренные народы. В результате обоснован вывод о необходимости совмещения универсалистского подхода к защите прав человека с региональными особенностями его интерпретации. Несмотря на кажущуюся дихотомию, в реальности универсалистские и локальные моральные системы взаимодействуют друг у друга по крайней мере некоторые элементы. В странах Латинской Америки подобное взаимное влияние универсализации и регионализации прав человека прослеживается довольно отчётливо. Защита прав человека сегодня обретает здесь новые черты, которые вписываются в так называемую парадигму «относительного универсализма». Поиск объяснительной модели этого феномена необходим для лучшего понимания закономерностей данного процесса.

Ключевые слова: защита прав человека, межамериканская система защиты прав человека, ООН, Латинская Америка, релятивизм, универсальные ценности, права женщин, права коренных народов

Для цитирования: Шеремет Н.А. Механизмы защиты прав человека в Латинской Америке с точки зрения соотношения региональной и универсальной правозащитных концепций // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 68–82. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-68-82>

Research article

HUMAN RIGHTS MECHANISMS IN LATIN AMERICA FROM THE PERSPECTIVE OF INTERSECTION OF REGIONAL AND UNIVERSAL HUMAN RIGHTS CONCEPTS

Natalia A. Sheremet

MGIMO University, Moscow, Russia
natalish@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2513-6759>

Abstract. The article analyzes the intersection of universal and regional human rights concepts in Latin America. The regional approach to human rights protection has been proposed by anthropologists who argue that cultural relativism is the basis for the development of the concept of human rights protection. The evolution of human rights is examined by scholars through the prism of both cultural relativism and universalism. While proponents of the first approach assert the importance of cultural and civilizational particularities, proponents of universalism promote the idea of universal morality. The novelty of this study lies in the examination of a different academic approach to human rights protection that encompasses features of both of the aforementioned concepts in order to provide a more objective picture of the current state of the system of human rights protection. The interaction of these concepts is demonstrated through the example of the system for the protection of women's rights in Latin America, as well as of the rights of other vulnerable groups such as indigenous peoples. This leads to the conclusion that both the universalist and the regionalist approaches to human rights protection are mutually supportive. Furthermore, universal and local moral systems borrow elements from each other despite the contradictions between them. In general, the interaction between universalization and regionalization of human rights is clearly visible in Latin America. The elaboration of a new approach that incorporates the features of the two old ones is necessary in order to better understand this process, since human rights protection is acquiring new features that fit into the so-called paradigm of relative universalism. An explanatory model to account for this phenomenon is needed for better understanding of the common patterns of the process.

Keywords: human rights protection, inter-American human rights system, UN, Latin America, relativism, universal values, women's rights, indigenous peoples' rights

For citation: Sheremet, N. A. (2022) 'Human Rights Mechanisms in Latin America from the Perspective of Intersection of Regional and Universal Human Rights Concepts', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(3), pp. 68–82. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-3-23-68-82>

Введение

Данная статья посвящена защите прав человека в странах Латинской Америки и Карибского бассейна с точки зрения соотношения региональной и универсальной правозащитных концепций. Как известно, в данном регионе функционируют две системы прав человека — универсальная, которая строится на работе Договорных Органов ООН по правам человека, и региональная, фундаментом которой являются два органа ОАГ: Межамериканский суд и Межамериканская комиссия по правам человека. Оба этих уровня взаимодействуют между собой, взаимодополняя друг друга, и способствуют генезису концепции защиты прав человека как внутри региона, так и в глобальном масштабе.

Цель данного исследования — изучить проблему соотношения региональной и универсальной правозащитных концепций на примере Латинской Америки и установить, какая из них (возможно) преобладает. Региональная концепция защиты прав человека зиждется на региональных интересах и ценностях в том смысле, что они являются основой развития общества и однозначно превалируют над универсальными ценностями внутри региона. Такой подход основан на позиции культурного релятивизма, который стал основой для своеобразной «регионализации» темы прав человека.

В задачи исследования входит: 1) выявить основные особенности механизмов по защите прав человека, доступных в Латинской Америке; 2) проанализировать противоречия между универсальной моделью защиты прав человека и ценностями народов Латинской Америки; 3) определить узловые точки притяжения и отталкивания универсальной и региональной трактовки механизмов прав человека в регионе.

Дискуссия о правах человека в контексте универсализма и регионализма

В 1993 г. на Всемирной конференции по правам человека, проходившей в Вене, была принята знаменитая Венская декларация и Программа действий¹, где, между прочим, говорится об универсальности и неделимости прав человека: «Все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием»². Однако за этими заявлениями об однозначной универсальности прав человека следует оговорка, которая, казалось бы, подрывает идею универсальности прав человека, вступая с ней в противоречие, а именно, — мысль о том, что необходимо учитывать «значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей»³. В связи с этим кажущимся противоречием имеет смысл более детально изучить проблему соотношения регионального и универсального в сфере защиты прав человека на конкретном примере. Кейс Латинской Америки позволяет проследить конкретные пути формирования региональной правозащитной культуры. А заодно понять, можно ли считать универсальное — общим исключительно в формально-логическом смысле, или же соотношение общего и особенного в культурном контексте требует иного, более реалистического понимания. Если с культурно-философских позиций здесь всё относительно ясно — «общего» самого по себе не существует, всякая культура (даже глобальная) — уникальна [Смирнов, 2001: 295], то изучение правозащитной проблематики требует более развёрнутой аргументации для «примирения» двух

¹ Венская декларация и программа действий: Принятые на Всемирной конференции по правам человека 25 июня 1993 года / Управление Верховного комиссара по правам человека Организации Объединённых Наций и Департамент общественной информации Организации Объединённых Наций. — DPI/1394 Rev.2. — 2013. — Август. — 50 с. — URL: https://www.ohchr.org/Documents/Events/OHCHR20/VDPA_booklet_ru.pdf

² Там же, с. 20.

³ Там же.

теоретических подходов в современном международном праве с целью установления более надежного и чёткого понимания существующих сегодня правозащитных механизмов.

Дискуссия о противоречиях релятивизма и универсализма началась, как известно, после принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Перед членами Комиссии по правам человека тех лет встал вопрос, как соотносить универсальное с национальным, «внешнее» с «внутренним». Тогда же М. Херсковиц, ученик известнейшего антрополога (и сторонника культурного релятивизма) Ф. Боаса, подготовил так называемое «Заявление о правах человека» [Statement on Human Rights, 1947], которое стало своего рода манифестом культурного релятивизма, оспаривающим ключевую идею ООН о возможности и необходимости формировании универсальных моральных ценностей. Херсковиц полагал, что Всеобщая декларация прав человека касается уважения личности *per se* и её права на наиболее полное развитие в качестве члена своего общества. Однако с глобальной точки зрения уважение культур различных групп является не менее важным. Заявление Херсковица окончательно поделило антропологов на два теоретических лагеря — на тех, кто поддерживал идеи морального универсализма — и тех, кто во главу угла ставил уважение к культурному многообразию. Эти споры, между прочим, привели к развитию прикладных исследований роли культуры в жизни человека и в реализации его прав. Отметим: согласно Венской Декларации, такие факторы как пол, раса, этническая или религиозная принадлежность и т.д. не имеют значения для свободы и прав человека. Херсковиц же утверждал обратное, а именно, что культура определяет свободу личности. Антропологи-релятивисты таким образом не были согласны с идеей «универсальности» прав человека, поскольку она ставила под сомнение значимость местных культур и практик. Релятивисты заявляли, что зачастую местные культуры и практики являются объектами угнетения и дискриминации.

К концу 1980-х гг., когда мировое сообщество, столкнувшись с неоднозначными последствиями глобализации, зафиксировало процесс становления нового мирового порядка, дискуссия о соотношении универсализма и релятивизма обрела новый характер. С одной стороны, «победа» либеральных ценностей и глобализации, казалось бы, положила конец взглядам и системам ценностей, характерным для релей холдной войны, о чем писал ещё Ф. Фукуяма [Fukuyama, 1989: 3]. В то же время, глобализация не привела к созданию некоего «универсального» с точки зрения культуры и морали мира, что обеспечило сохранение разрыва между культурным релятивизмом и культурным универсализмом. И, что ещё важнее, «права человека “на словах” и права человека “на деле”» [Johansson Dahre, 2017: 618] также идут по разным, не всегда пересекающимся, путям. При этом проблематика прав человека остаётся приоритетом международной и национальной политической и правовой повестки большинства государств.

Параллельно, несмотря на наличие режима защиты прав человека (к которому можно отнести действие механизмов ООН и региональных организаций, а также деятельность общественных и негосударственных организаций), реализация этих прав сталкивается с препятствиями, которые заводят в тупик попытки их универсализации в смысле позитивно-правовой формализации. Сами государства обычно «не придерживаются чисто монистического или дуалистического подхода к вопросу имплементации норм международного права», их подход зависит от множества причин и определяется «политической и юридической идеологией, особенностями исторического развития, уровнем экономики, отношением к конституционному и отраслевому законодательству и т.д.» [Карташкин, 2019: 111].

В связи с вышеописанным положением вещей многие антропологи и юристы, работающие в области международного права, прежде всего защиты и поощрения прав человека, задаются вопросами: что же такое права человека сегодня, в чём состоит их универсализация или «неунивер-

сализация»⁴; а также каково соотношение индивидуального и группового элементов внутри современной международной правозащитной концепции.

Напомним ещё раз суть универсализма. Важной целью Декларации ООН в отношении универсальных прав человека является призыв защищать личность. Защита личности рассматривается как первичный элемент всей системы защиты прав человека; неотъемлемые ценности и свободы исходят из природы человека и существуют независимо от культурной и групповой принадлежности.

Одним из теоретических ответов «универсалистам», получивших признание научного сообщества, можно считать позицию, согласно которой содержание Всеобщей декларации прав человека 1948 г. ограничено рамками западной политической и правовой мысли. Так, по мнению ученого-латиноамериканиста Я.Г. Шемякина, выдвигание на первый план юридического аспекта проблемы прав человека характерно именно для Запада, который берёт за основу «представление о некоем абстрактном индивиде, при этом предполагается, что конкретно-исторические особенности человека и той культурной и природной среды, в которых он живёт, никак не влияют на содержание правовых принципов и норм, которые также абстрактны и универсальны» [Шемякин, 2018: 6]. Близкой точки зрения придерживается российский учёный Е.А. Лукашев, который обращает внимание на неразрывную связь прав человека с такими элементами «социокультурной регуляции, как религия, нравственность, философско-нравственные учения, политика, традиции, обычаи» [Лукашева, 2009: 7]. Тем самым «в оборот» вводится культурно-цивилизационный подход, интерпретирующий «права» прежде всего в ценностно-содержательном, и лишь затем — в формально-юридическом смысле.

Латинская Америка даёт в этом смысле богатый иллюстративный материал. Тем более, что специалисты нередко выделяют её как «пограничный» цивилизационный тип [Шемякин, 2018]: стоит хотя бы вспомнить высказывания Симона Боливара о том, что народ континента «не является ни европейским, ни североамериканским; он скорее являет собой смешение африканцев и американцев, нежели потомство европейцев, ибо даже сама Испания перестает относиться к Европе по своей африканской крови, по своим учреждениям и своему характеру. Невозможно с точностью указать, к какой семье человеческой мы принадлежим. Большая часть индейского населения уничтожена, европейцы смешались с американцами и африканцами, а последние — с индейцами и европейцами. Мы не европейцы, а нечто среднее между аборигенами и испанцами»⁵. Действительно, этническая и расовая неоднородность региона отчётливо проявляет отсутствие здесь единства в подходе к правам человека. В этом случае вполне логично поставить вопрос: можно ли в Латинской Америке строить единую региональную правозащитную систему? Именно этой теме и посвящено данное исследование.

В скобках важно отметить, что современные правовые и политические дебаты в самой Латинской Америке нередко фокусируются на проблеме соотношения правозащитного универсализма и регионализма. Сегодня здесь всё чаще звучат идеи универсализма прав человека. Однако речь идёт об особом универсализме, который отличается от европейского. Так, А. Чакон Мата считает, что для Латинской Америки больше подходит понятие «многоголосого универсализма (*plurivocista*)» [Chacón Mata, 2011], то есть такого, который признаёт множество культур, но не перечёркивает их различное историческое прошлое.

⁴ Jiménez-Piernas García A. The Role of the European Union and other International Organizations in Promoting Corporate Social Responsibility: Thesis. — Bologna, 2016. — 345 p.

⁵ Речь Симона Боливара в Ангостуре 15 февраля 1819 г. // Agitclub.ru. — URL: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/latinamer1/bolivar10.htm>

Механизмы защиты прав человека, применимые к странам Латинской Америки и Карибского бассейна

Латинской Америкой и Карибским бассейном принято считать регион, в который входит 33 государства. Для начала отметим: определение «регион», то есть район с общими признаками, в данном случае используется в известной мере как метафора. И не только в силу мозаичного расового состава и полиэтничности континента. Общность и целостность региона является скорее политическим видением тех лидеров стран Латинской Америки, которые подерживают идею политической и экономической интеграции. Если же рассуждать с юридической точки зрения, то необходимо подчеркнуть: только 20 стран региона признали юрисдикцию единого регионального правозащитного механизма ОАГ⁶, что ещё раз подтверждает раздробленность и отсутствие единства среди латиноамериканских государств по самым важным вопросам их повестки.

Что касается конкретных механизмов защиты и поощрения прав человека, то Латинская Америка даёт уникальный сплав, где представлен и собственный региональный механизм, и универсальные правозащитные механизмы. В частности, Межамериканский суд по правам человека (Суд) и Межамериканская комиссия по правам человека (Комиссия) являются столпами межамериканской системы защиты прав человека, в которую помимо стран Латинской Америки входят США и Канада. Оба этих органа отвечают как за мониторинг и анализ ситуации в области прав человека в регионе, так и за предотвращение их нарушений. При том, что не все государства Латинской Америки являются участниками Американской конвенции о правах человека 1969 г. (Пакта Сан-Хосе), юридически обязывающий характер для стран, не подписавших Конвенцию, носит

Декларация прав и обязанностей человека 1948 г. (Американская декларация 1948 г.). Подобная децентрализация с точки зрения региональных механизмов защиты прав человека, применимых к данному региону, отсутствие исторического единства латиноамериканских народов, а также наличие двух «нелатиноамериканских» стран с совершенно иным историческим прошлым ещё больше усложняют формирование единого подхода к развитию защиты прав человека в регионе.

Универсальный уровень защиты прав человека представлен десятью Договорными органами ООН по правам человека, под юрисдикцией которых находится большинство государств Латинской Америки. Договорные органы являются органами Конвенций и Пактов ООН о правах человека, а их деятельность носит квазисудебный характер. На универсальном уровне данные механизмы борются с разными видами нарушений прав человека в Латинской Америке: насильственными исчезновениями, феминицидом, гендерной дискриминацией. Кроме того, всё больше зарегистрированных дел касается нарушений прав коренных народов.

Международные Пакты о правах человека, принятые 55 лет назад, закрепили основные права и свободы человека, что позволяет лицам, проживающим в этом регионе, прибегать к данным универсальным механизмам защиты своих прав. Тем не менее положения Пактов и Конвенций ООН сегодня продолжают обретать новые толкования и наполняются новым смыслом, создающим новую юридическую практику при принятии решений.

В своих решениях Комитеты ООН часто ссылаются на постановления Межамериканского суда по правам человека. Например, могут цитироваться решения Суда, может быть изложено толкование нарушений ряда прав человека (в случае если дела, рассматриваемые Комитетом, напоминают

⁶ ABC de la Corte Interamericana de Derechos Humanos: El qué, cómo, cuándo, dónde y porqué de la Corte Interamericana. Preguntas frecuentes / Corte Interamericana de Derechos Humanos. — San José, C.R.: Corte IDH, 2018. — P. 6. — URL: <https://www.corteidh.or.cr/sitios/libros/todos/docs/ABCCorteIDH.pdf>

судебную практику Межамериканского суда). Приведённый пример наглядно демонстрирует взаимосвязь и взаимозависимость этих двух механизмов.

Важно отметить, что правозащитный универсализм не уничтожает региональные аспекты защиты прав человека, а скорее проникает на региональный уровень и начинает там развиваться, смешиваясь с национальными и региональными особенностями и создавая новый уникальный продукт. Имеет место и обратное влияние, когда региональные инструменты и практика защиты прав человека имплементируются на универсальном уровне.

Рассмотрим один из примеров взаимодействия региональных и универсальных уровней защиты прав человека, который касается Латинской Америки. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. — «главствующий источник защиты прав женщин в мире»⁷, — определяет дискриминацию в отношении женщин как «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола»⁸, закрепляет право женщин на защиту от любого вида дискриминации. Что касается межамериканских источников прав женщин, — в частности, Конвенции Белен-ду-Пара (Межамериканская конвенция о предотвращении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин 1994 г.), то она направлена на устранение неравенства и защиту женщин от насилия. В Конвенции также предусмотрен запрет на дискриминацию женщин в каком-либо виде. Идея о взаимозависимости проблемы насилия над женщинами и их дискриминации нашла своё отражение в «Общей рекомендации» CEDAW №19 (Насилие в отношении женщин)⁹. Согласно Рекомендации, насилие в отношении женщин сводит

на нет «пользование женщинами правами человека и основными свободами в соответствии с общими нормами международного права или положениями конвенций о правах человека»¹⁰. Однако несмотря на то, что все права человека имеют одинаковое значение, их осуществление и их защита в отношении женщин сталкиваются с рядом преград. Это связано с тем, что женщины подвергаются серьёзным нарушениям свобод, которые подрывают их право на жизнь и личную неприкосновенность. Об этом свидетельствует статистика жалоб, направленных из стран Латинской Америки, где зафиксированы феминицид, домашнее насилие, сексуальное насилие и пытки в отношении женщин. В связи с этим толкование Конвенции ООН не может пониматься узко и применяться только в отношении случаев дискриминации. Как следствие, Комитет пришёл к выводу о том, что проявление насилия нарушает право женщин на равенство, поскольку преступления против них увековечивают неравное к ним отношение. Когда женщинам отводится более низкое и подчинённое по отношению к мужчинам положение, применение к ним насилия приобретает систематический характер. Именно поэтому Комитет поставил в один ряд насилие в отношении женщин и гендерную дискриминацию: насилие происходит тогда, когда в обществе преобладают дискриминационные идеи, и, наоборот, дискриминация существует, когда проблема насилия не искореняется государством и обществом. На данном примере мы видим, как два разных механизма — региональный и универсальный — влияли и продолжают влиять друг на друга, что приводит к новому толкованию прав женщин, закреплённому в двух вышеуказанных Конвенциях. Взаимодействие этих

⁷ Самаке Ава. Международно-правовая защита прав женщин в Африке: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. — Москва, 2015. — С. 15.

⁸ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // Официальные отчёты Генеральной Ассамблеи, тридцать четвёртая сессия, Дополнение № 46, стр. 250–254. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml

⁹ Общая рекомендация №19 (Одиннадцатая сессия, 1992 г.) Насилие в отношении женщин // Комитет ООН по Ликвидации Дискриминации в Отношении Женщин. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec19.pdf

¹⁰ Там же.

двух механизмов способствует инкорпорации международных норм в национальную правовую систему стран Латинской Америки в сфере прав женщин, обогащает и расширяет сам конвенционный механизм регуляции этой области отношений¹¹.

Права человека «на деле», а не «на словах»: коллективное измерение VS индивидуализм

Защита прав человека, — если это не просто абстракция, а реально существующая практика, которая имеет важное значение в жизни людей, — связана с местными социальными взаимоотношениями людей, политическими и экономическими проблемами и культурной идентичностью. Если права человека абстрактны, то вопрос об их сути теряет свою актуальность. Для того, чтобы права имели хоть какую-то значимость, они должны быть интегрированы в местный контекст. Всё это требует от универсализма «подстраивания» под разные культуры, только тогда универсальные права человека перестанут быть абстрактным явлением. Интересную теоретическую интерпретацию эти идеи получили в эссе исследователя С. Мерри под названием «Антропология, право и транснациональные процессы» [Merri, 1992]. Мерри показывает, что бинарная оппозиция универсального и локального в сфере защиты прав человека не так однозначна, как кажется; и делает вывод о том, что права человека не просто находятся на универсальном уровне, а, скорее, имеют «децентрализованный транснациональный культурный компонент», поскольку они определяются с точки зрения местного толкования, а их реализация происходит через национальную и культурную призму. Чтобы понять социальный и культурный процесс, необходимо изучить то пространство, которое находится между

международным и местным уровнями. Что происходит с концепцией прав человека, когда она используется на местном уровне? Мерри утверждает, что права человека не только приобретают свой собственный смысл на местном уровне, но и что местная интерпретация в свою очередь влияет на международный уровень и так называемое универсальное понимание прав человека. Ярким примером того, как развивается этот процесс, являются так называемые коллективные права. До середины 1970-х было принято считать, что права человека лучше всего функционируют как индивидуальные права. Но всплеск этнических конфликтов и стремление к коллективной идентичности изменили этот подход. Этнические меньшинства начали утверждать, что их угнетают, дискриминируют и маргинализируют. И в самом деле, оставление исключительно индивидуальных прав никак не защищает этнические меньшинства от посягательств государств на их коллективные права.

Сегодня дискуссия о коллективных правах набирает обороты. В качестве примера следует упомянуть недавно зарегистрированное Комитетом ООН по правам человека дело ава гуарани¹² от 2021 г. против Парагвая. Суть дела заключается в следующем: коренная община Парагвая Кампоагуа'э направила дело в Комитет по правам человека, заявляя о нарушении своего права на «жизнь, семью, жилище; а также права на защиту меньшинств» [Абашидзе, Шерemet. 2021]. Действительно, на протяжении многих лет на традиционной территории общины иностранные компании, получив согласие от правительства Парагвая, в ходе своей производственной деятельности проводили фумигации (опрыскивание ядовитыми веществами). Это привело к тяжелым последствиям: гибели растений и животных, загрязнению рек на территории общины и т.д. Помимо этого, в

¹¹ Борзова А.Ю. Подходы Бразилии к вопросу защиты и обеспечения прав человека // Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Латинской Америке. — Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. — С. 25. (Препринт / Высш. шк. экономики - нац. исслед. ун-т).

¹² Название коренного народа, проживающего на территории современного Парагвая.

связи с исчезновением строительных материалов для сооружения танцевального дома *jeokuha* народ утратил возможность проведения обряда крещения *mitakarai*. В течение двенадцати лет община Кампоагуа'э пыталась отстоять свои права на местном уровне, обращаясь в разные административные и судебные инстанции. Бездействие местных властей побудило двух официальных представителей общины, которые имеют юридический статус её руководителей, направить от лица всей общины свою жалобу/индивидуальное обращение в Комитет ООН по правам человека, чтобы добиться правосудия и компенсации морального и физического вреда. Парагвай в ответ на жалобу заявителей ответил, что она является неприемлемой, поскольку петиция направлена двумя авторами от общины, а не от себя лично. А Международный пакт о гражданских и политических правах, как известно, защищает права индивидов, а не групп лиц. Комитет, в свою очередь, не согласился с мнением государства и напомнил, что «группы коренных народов являются коллективными правообладателями, поскольку право на пользование культурой реализуется в социальных и культурных рамках коллективного взаимодействия. Кроме того, эволюция прав коренных народов показывает, что группы коренных народов как коллективные субъекты сами приобретают правосубъектность, переставая быть простой суммой индивидов [Абашидзе, Шеремет, 2021]. Кроме того, в 2009 г. Коми-

тет ООН по экономическим, социальным и культурным правам решил, что «субъекты коренных народов должны быть наделены правосубъектностью»¹³. А по мнению судей из Межамериканского суда по правам человека, члены коренных общин, которых «объединяет особый образ жизни и самобытность, осуществляют некоторые права [...] в коллективном измерении»¹⁴. Всё это, а также такие источники прав коренных народов, как Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах¹⁵ и Декларация ООН о правах коренных народов¹⁶, Комитет использовал в защиту своей позиции о нарушении прав коренной общины Кампоагуа'э. Народ ава гуарани в данном случае наделён правоспособностью для защиты своих прав. Это и другие дела, связанные с нарушением прав коренных общин Латинской Америки¹⁷, указывают на усиление коллективного измерения концепции защиты прав человека.

Универсализация VS регионализация прав человека в Латинской Америке: «позитивные права» и вопрос «моральных абсолютов»

Итак, научный спор между представителями универсализма и культурного релятивизма о подходе к правам человека идёт вот уже более 70 лет, то есть с момента создания универсальной системы защиты прав человека под эгидой ООН. Однако с изменением мирового порядка

¹³ Observación general N° 21 Derecho de toda persona a participar en la vida cultural (artículo 15, párrafo 1 a), del Pacto Internacional de Derechos Económicos, Sociales y Culturales // Naciones Unidas. — URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=E%2fC.12%2fGC%2f21%2fREV.1&Lang=es

¹⁴ Jurisprudencia constante desde Caso del Pueblo Indígena Kichwa de Sarayaku contra Ecuador, párr. 231, y puntos declarativos 2 a 4.

¹⁵ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169]: Принята 27 июня 1989 г. Генеральной конференцией Международной организации труда на её семьдесят шестой сессии // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией Труда, 1957–1990 годы, том 2, Международное бюро труда, Женева, 1991. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/io169.shtml

¹⁶ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года // Организация Объединенных наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

¹⁷ Indigenous Peoples in Latin America // Guaranteeing indigenous people's rights in Latin America: progress in the past decade and remaining challenges, ECLAC. — URL: https://www.cepal.org/sites/default/files/styles/infographic_aspect_switcher/public/infographic/images/indigenas_ingles.jpg?itok=NjJ6qjlv×tamp=1456234097 ; Figure 1. Percentage of indigenous people in Latin America and the Caribbean [Cancer in indigenous people..., 2014]

менялись и правозащитные концепции как внутри самих обществ, так и на международном уровне. Безусловно, Международный билль о правах человека отстаивает универсальные ценности; однако история убедительно показывает, что нельзя игнорировать культурный и цивилизационный аспекты ценностного сознания. Здесь уместно вспомнить о противоречиях относительно приоритета гражданских, политических — или экономических, социальных и культурных прав между Западом и другими цивилизациями, которые наблюдались долгие годы после принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Латиноамериканские страны и советский блок тогда выступили за приоритет социальных прав, в то время как западные страны отстаивали первоочередность гражданских и политических прав, то есть «негативных прав» [Ruiloba Alvaríño, 2007: 165], которые налагают на государства обязательства не действовать в ущерб правам индивидов. В то время как экономические, социальные и культурные права относятся к правам позитивным, то есть налагающим на государства обязательства, «связанные в первую очередь с реализацией финансовых усилий»¹⁸. В конце 1990-х гг. в Латинской Америке усилился тренд, связанный с выходом на первый план социальных прав, что было вызвано серией «левых поворотов» [Shemyakin, 2015: 39] в регионе. Именно в это период особенно остро вставал вопрос о культурных, социальных и цивилизационных ценностях латиноамериканских народов. Разные мнения по поводу приоритетности политических или социальных прав являются одним из элементов спора между сторонниками универсализма и культурного релятивизма.

Так как же тогда примирить две противоборствующие парадигмы? Некоторые исследователи предлагают искать золотую

середину между этими двумя концепциями, найти некий третий путь. Такая модель не потребует отказа ни от универсализма, ни от релятивизма. Чего она потребует, так это «калибровки» отношений между трактовками универсальных права человека и местной культурной практикой. Подобная попытка примирения двух контрастирующих теорий с помощью создания третьей, объединяющей их принципы в более широком независимом поле, напоминает то, что Т. Кун некогда назвал научной революцией.

И в самом деле, рождение новых парадигм позволяет посмотреть на мир по-новому. Так, новая модель, которую в своей работе описывает исследователь У. Йоханссон Даре [Johansson Dahre, 2017] и которая может быть применена к современному положению дел в области прав человека в Латинской Америке, называется «относительный (или релятивный) универсализм». Эта модель показывает, что, с одной стороны, универсализм не поглощает культурные и прочие особенности региона, а, наоборот, впитывает в себя региональные черты [Меркушев, 2005: 46]. С другой стороны, именно универсализм стоит на страже универсальных ценностей, закреплённых во Всеобщей декларации прав человека. Например, несмотря на то, что необходимо уважать культурные особенности в целом, могут существовать некоторые культурные практики, к которым нельзя относиться терпимо ни при каких обстоятельствах, поскольку они ведут к нарушению прав человека¹⁹. И если рассматривать Латинскую Америку, то примером такой практики может служить пренебрежительное отношение к женщинам и приписывание им второстепенной роли как в общественной, так и в частной сфере. Подобное отношение к женщине внутри её семьи со стороны партнёра именует-

¹⁸ Zerbini Ribeiro Leao R. Los derechos económicos, sociales y culturales en Europa y América: un estudio a partir de la construcción jurisprudencial de los sistemas europeo e interamericano de protección de los derechos humanos: Tesis doctoral inédita. — Madrid, 2008. — P. 165.

¹⁹ Криволапов П.С. Новые тенденции международного сотрудничества в области прав человека: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10. — Москва, 2006. — С. 9.

ся термином «мачизм» (от испанского — machismo). Иными словами, мачизм — это модель социального поведения, при которой мужчина демонстрирует свою власть и превосходство над теми, кого считает ниже себя, тем самым искусственно ставя их в зависимое положение. В Латинской Америке проявление подобной агрессивной маскулинности зачастую направлено против женщин как внутри семьи, так и в профессиональных и прочих кругах. Мачизм, по сути, является ярким примером дискриминации по гендерному признаку, которая ведёт к серьёзным проблемам и подрывает физическую и психологическую безопасность женщин Латинской Америки. Искусственно созданное доминирование мужчин над женщинами в данном регионе позволяет некоторым из них наслаждаться вседозволенностью, которая зачастую стоит женщинам жизни: по статистике наибольшее число насильственных смертей женщин происходит от рук их партнёров²⁰.

Домашнее насилие — как раз та проблема, которая вызвана дискриминационной культурной практикой, характерной для данного региона. Домашнее насилие является систематической и глубоко укоренившейся проблемой общества Латинской Америки. Зачастую оно «подлежит лишь моральному осуждению»²¹. Подобный пример показывает, какую роль могут сыграть универсальные механизмы защиты прав человека, являясь отражением универсальных моральных ценностей: они помогают закрепить статус женщин как уязвимой группы населения, что позволяет бороться за права женщин [Бекашев, Микрина, 2016: 82].

Но как добиться подотчётности нарушителей прав женщин, если государства неохотно борются с проблемой насилия в отношении женщин, а устарелые стерео-

типы по-прежнему навязывают женщинам облик существ, «исполняющих второстепенную функцию» [Полутова, 2013: 66]? Как имплементировать универсальные ценности на национальном уровне? Какие социальные и экономические модели, направленные на поощрение прав женщин, можно предложить на универсальном уровне для их включения в национальную систему [Bard Wigdor, 2017]? Как заставить национальные власти отказаться от их дискриминационных взглядов, нарушающих равноправие? На эти и другие вопросы ответ пытаются найти те, кто пришёл к выводу о том, что современные международные правозащитные механизмы идут по пути относительного универсализма, одновременно примеряющего релятивизм с универсализмом и играющего роль судьи между ними.

По мнению эксперта Э. Хогеманн [Hogemann, 2020: 20], «теория и практика прав человека» должны быть направлены на развитие таких ценностей и норм, которые бы обеспечивали достоинство человеческой личности, а эталоном защиты прав человека принято считать универсальные ценности. Универсальный набор прав исходит из томистского видения личности. Согласно этому учению, человек состоит из духовной и телесной субстанции. Такое видение личности утвердило равенство всех людей, несмотря на их индивидуальные, групповые, биологические или культурные различия. Человек бесценен, его нельзя заменить ничем другим, и у него есть достоинство. Приведём слова И. Канта: «в царстве целей всё имеет или цену, или достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено также и чем-то другим как эквивалентом; что выше всякой цены, стало быть, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством» [Кант, 1994]. Следовательно, каждый человек

²⁰ Women More Likely to be Killed by Partners or Relatives: Share of victims globally by who murdered them (2017) // Statista. — URL: <https://cdn.statcdn.com/Infographic/images/normal/18913.jpeg>

²¹ Родина И.В. Социальная проблематизация насилия в семье в современной России: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04. — Москва, 2007. — С. 31.

имеет достоинство, так как каждый человек обладает своей индивидуальностью, он незаменим и не может быть ни на что обменен, будучи самоцелью. Идеи Канта позволяют обосновать значение универсализма в трактовке прав человека: они показывают, что независимо от культурных ценностей, присущих любому сообществу, необходимо в первую очередь добиваться уважения к каждому человеку как таковому. Транспонируя эти идеи на современную ситуацию с правами человека в Латинской Америке, можно получить следующий вывод: при наличии культурных различий все люди обладают равным достоинством и равной ценностью. Однако люди разных цивилизаций имеют разные взгляды на отношения между личностью и коллективом, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, а также разные взгляды на относительную важность прав и обязанностей, свободы, власти и равенства²². Такие различия являются результатом многовековой истории. Тем самым трудность достижения универсальности прав человека заключается в противоречии между историческими формами морали и так называемыми «моральными абсолютами». Но абсолют на земле недостижим. Поэтому переосмысление проблемы прав человека означает принятие во внимание идеи защиты прав человека как продукта развития, которое должно быть одновременно инклюзивным и глобальным. Кстати, соблюдение де-факто универсальных норм прав человека, даже если они не соответствуют какой-либо культуре, приводит к выводу о том, что государства, соблюдая эти права, в определённой мере признают их необходимость в деле регулирования оборота своих самобытных культурных ценностей. Кстати, по Канту это можно рассматривать как соблюдение норм не по обязанности, а из чувства долга.

Заключение

Изучение современного состояния системы защиты прав человека в Латинской Америке позволило сформулировать следующие выводы. Во-первых, существует два противоборствующих научных подхода, изучающих современную картину правозащитной повестки данного региона. Одни учёные применяют идеи культурного релятивизма при изучении региона, настаивая на том, что генезис защиты прав человека как в Латинской Америке, так и в других регионах, происходит за счёт повышения значения культурных и цивилизационных особенностей. Напротив, сторонники идеи универсализации прав человека утверждают, что именно универсальные ценности, закреплённые в Международном билле прав человека, берут верх над культурными, страновыми, региональными и прочими особенностями.

Во-вторых, если рассматривать сами правозащитные механизмы прав человека, существующие в Латинской Америке, то очевидна неделимость и взаимодополняемость универсальных и региональных механизмов, что «придаёт большую эффективность защите прав человека»²³. Как универсальный уровень влияет на региональный, так и региональный в свою очередь влияет на универсальный; происходит своеобразное «переливание» универсальных и региональных взглядов и практик. Этот процесс напоминает создание «тропического коктейля», состоящего из нескольких слоёв: сначала добавляется один слой, затем другой, потом опять первый и так далее. Анализ новых толкований и новых судебных практик (в частности, в области защиты прав женщин) помогает понять, что имплицитное развитие теории прав человека в Латинской Америке идёт не по пути универсализации или регионализации, но реализует нечто третье.

²² Юдович И. Время выбора // Проза.ру. — 2010. — 11 ноя. — URL: <https://proza.ru/2010/11/11/1306>

²³ Международное право в 2 Ч. Часть 1: Учебник / А. Н. Вылегжанин, Ю. Н. Малеев, Ю. М. Колосов, К. Г. Геворгян. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — С. 206.

При этом, в-третьих, развитие системы защиты прав человека происходит по более сложной схеме, чем та, которую предлагают сторонники культурного релятивизма и универсализма. Защита прав человека в Латинской Америке сегодня обрела новые черты, которые вписываются в так называемую парадигму «относительного универсализма». Иначе говоря, если защита прав

человека и идёт по пути универсализации, она тем не менее не уничтожает локальные практики и ценности, а, скорее, проникает на этот локальный уровень, смешивается с традиционным видением: создаёт свой собственный уникальный «продукт», сохраняя культурные особенности местного сообщества.

Список литературы:

- Абашидзе А.Х., Шеремет Н.А. Особая связь коренных народов с традиционными землями (дело народа ава гуарани против Республики Парагвай) // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». — 2021. — № 7. — С. 9–16.
- Бекашев Д.К., Микрина В.Г. Особенности международно-правовой защиты трудовых прав женщин // Московский журнал международного права. — 2016. — № 4. — С. 82–92.
- Кант И. Основоположения метафизики нравов // Сочинения в 8 т. Т. 4. — Москва: Чоро, 1994. — С. 153–245.
- Карташкин В.А. Права человека и принципы международного права в XXI веке. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2019. — 148 с.
- Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. — Москва: Норма: Инфра-М, 2009. — 384 с.
- Меркушев В.Н. Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций. — Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 2005 — 148 с.
- Полутова М.А. Методологические подходы зарубежных ученых к теории феминизма: истоки, этапы развития, основные направления // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2013. — № 11. — С. 66–79.
- Смирнов А.В. Номинальность и содержательность: почему некритическое исследование «универсалий культуры» грозит заблуждением // Универсалии восточных культур. — Москва: Восточная литература, 2001. — С. 290–317.
- Шемякин Я.Г. Тема прав человека в контексте проблемы идентичности: латиноамериканские подходы // Латинская Америка. — 2018. — № 3. — С. 5–19.
- Bard Wigdor G. "El ajuste tiene rostro de mujer": A 20 años de la plataforma de Beijing, las desigualdades se profundizan // Revista Latinoamericana de Derechos Humanos. — 2017. — Vol. 27, № 2. — P. 21. <https://doi.org/10.15359/rldh.27-2.1>
- Cancer in indigenous people in Latin America and the Caribbean: a review / S. Moore, D Forman, M. Piñeros, et al. // Cancer Medicine. — 2014. — Vol. 3, № 1. — P. 70–80. <https://doi.org/10.1002/cam4.134>
- Chacón Mata A.M. El Relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos // Revista latinoamericana de derechos humanos. — 2011. — Vol. 22, № 2. — P. 39–79.
- Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. — 1989. — № 16. — P. 3–18.
- Hogemann E.R. Human Rights beyond Dichotomy between Cultural Universalism and Relativism // The Age of Human Rights Journal. — 2020. — № 14. — P. 19–36. <https://doi.org/10.17561/tahrj.v14.5476>
- Johansson Dahre U. Searching for a middle ground: anthropologists and the debate on the universalism and the cultural relativism of human rights // The International Journal of Human Rights. — 2017. — Vol. 21, № 5. — P. 611–628. <https://doi.org/10.1080/13642987.2017.1290930>
- Merry S.E. Anthropology, Law, and Transnational Processes // Annual Review of Anthropology. Annual Reviews. — 1992. — Vol. 21. — P. 357–379.

Ruiloba Alvaríño J. Los Pactos Internacionales de las Naciones Unidas de 16 de diciembre de 1966 // *Derecho Internacional de los Derechos Humanos*. — Madrid: Dilex, 2007. — P. 115–176.

Shemyakin Y. Volviendo Al tema de Los derechos humanos. Criterio de UN latinoamericanista // *Iberoamerica*. — 2015. — № 3. — P. 33–55.

Statement on Human Rights / The Executive Board, American Anthropological Association // *American Anthropologist*. — 1947. — Vol. 49, № 4. — P. 539–543.

References:

Abashidze, A. K. and Sheremet, N. A. (2021) 'Indigenous Peoples' Special Relationship with Traditional Territories (the case of the Ava Guaraní people v. Republic of Paraguay)', *International legal courier*, (7), pp. 9–16. (In Russian).

Bard Wigdor, G. (2017) "'El ajuste tiene rostro de mujer": A 20 años de la plataforma de Beijing, las desigualdades se profundizan', *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*, 27(2), p. 21. <https://doi.org/10.15359/rldh.27-2.1>

Bekyashev, D. K. and Mikrina, V. G. (2016) 'Some Features of International Legal Framework for the Protection of Women's Labour Rights', *Moscow journal of international law*, (4), pp. 82–92.

Chacón Mata, A. M. (2011) 'El Relativismo cultural y su tutela jurídica en el sistema internacional de protección de los derechos humanos', *Revista latinoamericana de derechos humanos*, 22(2), pp. 39–79.

Fukuyama, F. (1989) 'The End of History?', *The National Interest*, (16), pp. 3–18.

Hogemann, E. R. (2020) 'Human Rights beyond Dichotomy between Cultural Universalism and Relativism', *The Age of Human Rights Journal*, (14), pp. 19–36. <https://doi.org/10.17561/tahrj.v14.5476>

Johansson Dahre, U. (2017) 'Searching for a middle ground: anthropologists and the debate on the universalism and the cultural relativism of human rights', *The International Journal of Human Rights*, 21(5), pp. 611–628. <https://doi.org/10.1080/13642987.2017.1290930>

Kant, I. (1785) *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. Riga: Hartknoch. (Russ. ed.: (1994) 'Osnovopolozheniya metafiziki nravov', in *Sochineniya v 8 t. T. 4*. Moscow: Choro Publ., pp. 153–245).

Kartashkin, V. A. (2019) *Prava cheloveka i printsipy mezhdunarodnogo prava v XXI veke [Human rights and principles of international law in the 21st century]*. Moscow: Norma: Infra-M Publ. (In Russian).

Lukasheva, E. A. (2009) *Chelovek, pravo, tsivilizatsiya: normativno-tsennostnoye izmereniye [Man, Law, Civilization: Normative-Value Dimension]*. Moscow: Norma: Infra-M Publ. (In Russian).

Merkushev, V. N. (2005) *Prava cheloveka v kontekste kul'turnykh razlichiy: sravnitel'nyy analiz sovremennykh politologicheskikh kontseptsiy [Human rights in the context of cultural differences: a comparative analysis of modern political science concepts]*. Ekaterinburg: In-t filosofii i prava UrO RAN Publ. (In Russian).

Merry, S. E. (1992) 'Anthropology, Law, and Transnational Processes', *Annual Review of Anthropology*, 21, pp. 357–379.

Moore, S. P. et al. (2014) 'Cancer in indigenous people in Latin America and the Caribbean: a review', *Cancer Medicine*, 3(1), pp. 70–80. <https://doi.org/10.1002/cam4.134>

Polutova, M. (2013) 'Methodological Approaches of Foreign Scientists to the Theory of Feminism: Origin, Development, Main Directions', *Zabaikalsky State University journal*, (11), pp. 66–79. (In Russian).

Ruiloba Alvaríño, J. (2007) 'Los Pactos Internacionales de las Naciones Unidas de 16 de diciembre de 1966', in *Derecho Internacional de los Derechos Humanos*. Madrid: Dilex, pp. 115–176.

Smirnov, A. V. (2001) 'Nominal'nost' i soderzhatel'nost': pochemu nekriticheskoye issledovaniye universal'nykh kul'tury grozit zabluzhdeniyem [Nominality and meaningfulness: why an uncritical study of the "universals of culture" threatens with delusion]', in *Universalii vostochnykh kul'tur [Universals of Oriental Cultures]*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., pp. 290–317. (In Russian).

Shemyakin, Y. (2015) 'Volviendo Al tema de Los derechos humanos. Criterio de UN latinoamericanista', *Iberoamerica*, (3), pp. 33–55.

Shemyakin, Y. G. (2018) 'The Theme of the Human Rights in the Context of the Problem of Identity: the Latin American Approaches', *Latinskaia Amerika*, (3), pp. 5–19.

The Executive Board, American Anthropological Association (1947) 'Statement on Human Rights', *American Anthropologist*, 49(4), pp. 539–543.

Информация об авторе

Наталья Александровна Шерemet — аспирант кафедры Международного права МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76 (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Natalya A. Sheremet — PhD student, The International Law Department, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 02.06.2022; одобрена после рецензирования 07.07.2022; принята к публикации 19.08.2022.

The article was submitted 02.06.2022; approved after reviewing 07.07.2022; accepted for publication 19.08.2022.